ВЛАДИМИР КОРЖОВ

Год без Лукича

Владимир Казаков.
Фото Владимира Коржова

В последней своей поэтической книге «Земля отцов» (2014) Владимир Лукич Казаков, поэт, наставник, редактор и друг, опубликовал стихотворение, навеянное реальными событиями:

Владимиру Коржову

Две тысячи шагов до озерка
через лесок с неброским разнотравьем,
где правит бал насилья и бесправья
комар и гнус, и прочая мошка,
особенно, когда ни ветерка,
ни облачка в пустом июльском небе,
а ты идёшь не с мыслями о хлебе,
Насущном,
а с желаньем рыбака:
покамест солнце катит на закат,
забросить удочки, как можно дальше,
не думая о жизни,
полной фальши,
и не о том, кто в этом виноват...
Нет, в эти предвечерние часы
всего отрадней
в ожиданье клёва,
искать в душе отзывчивое Слово,
в котором,
словно в капельке росы,
смогли бы отразиться берега,
хранящие величие берёзы,
танцующие над водой стрекозы
и хрупкая озёрная куга, —
как подтвержденье истины простой,
что ты не одинок, не беззащитен,
сумев сберечь связующие нити
души своей с земною красотой...

Лет пятнадцать назад компания шумных поэтов проторила ягодный маршрут на остров Ереснинский, остановочный пункт теплохода «Москва» — Юбилейный, в места мне родные и памятные с детства. На острове растет полным-полно шиповника, облепихи, ежевики, калины, встречаются и редкие кусты боярышника. Для нас поездки на остров превратились в обязательный осенний ритуал.

В 2010 году мы отправились в традиционное путешествие вдвоем с Владимиром Лукичом Казаковым, у него — неизменный чехол с рыболовными снастями, у меня — сумка и ведерко под ягоду. Честно, не договаривались, но прихватили с собой каждый, кроме немудреной закуски, малость спиртного — день выпал на годовщину смерти мамы Лукича.

Начало сентября выдалось по-летнему щедрым. Разноцветные бабочки выделывали вокруг нас замысловатые петли и круги, на плечи и голову норовили присесть зеленые, желтые и синие стрекозки, стрекотали кузнечики, и даже редкая мошка зудела.

Владимир Лукич спустился с крутого яра, на крохотный песчаный бережок и навострил у поваленного в воду тополя, образующего заводь, свои снасти, а я отправился на поиски густых островков шиповника.

Минут через сорок, наполнив на треть ведерко ярко-красными ягодами, я вернулся на берег. Владимир Лукич увидел меня и призывно, не издавая ни звука, замахал рукой, показывая, на светлую предосеннюю воду. В тени поваленного в реку тополя у поверхности воды стояла головой на течение метровая щука, и жабры ее вздымались, словно два широких тополиных листа, колеблемые водным потоком.

— Подранок! — прошептал я.

— Что делать? — спросил Лукич.

Я достал из чехла мотовило с закидушкой и шустро распустил леску. Затем отрезал поводок сантиметров двадцать, связал петлю-удавку и приладил ее к бамбуковому удилищу.

— Лукич, ты в сапогах, а я в кроссовках, потому тебе придется забрести в воду. Плавно подведи петлю под жабры щуки, затем подсекай и резко затягивай петлю. Из воды не вынимай щуку, а наискосок против течения выведи к берегу.

Под моим чутким руководством Владимир Лукич все делал правильно. Завел за жабры петлю-удавку. Ловко подсек. Но нервы рыбака сдали, и он приподнял щуку над поверхностью воды. Этого делать не следовало. Хищница резко метнулась в сторону, сгибая удилище в дугу, и леска со звоном лопнула. Лукич устоял, но все же зачерпнул сапогом холодную воду. Я помог ему, костерившему щуку, выбраться на берег.

— Володя, друг, братка!!! — восклицал он. — Ну, почему, почему она ушла!?

Я, как мог, успокоил неудачливого рыбака, объяснив, что его вины почти нет, дело испортила обветшавшая леска.

Мы вновь закинули снасти, расстелили видавшую виды скатерку, достали закусь и коньячок и, не чокаясь, помянули маму Владимира Лукича Марию Ивановну, которую он очень любил. В 1997 году она слегла, и Лукич уехал ухаживать за ней в родное село Анисимово Тальменского района на долгие три года в печаль и горечь Лушниковского переулка, где бился заветный родничок босоногого детства.

Родничок мой давней веры
в доброту — не в благодать —
до твоих мне прясел вербных
в трудный час рукой подать.
Не беда, что иногда
в родничке горчит вода...

С Владимиром Казаковым я познакомился в 1966 году. Он после Марка Юдалевича и Геннадия Панова был моим третьим наставником на литературном пути.

За глаза, да и в глаза частенько Владимира Казакова величали «Хмурый». К прозвищу он привык и в дружеской перепалке, если сгоряча его так называли, то не обижался. Наверное, каждый человек, тем более, если это поэт, чья душа очень ранима, пытается ее защитить, словно щитом,

какой-либо личиной. Один косит под весельчака, другой — под балагура. Лукич мог и прихвастнуть. Иногда после весьма посредственного выступления, он с гордостью говорил: «Казаков — всегда таков!» И я его не журил, а оправдывал. За пронзительные строки из стихотворения о военном детстве «Саночки-салазочки» многое готов был ему прощать:

Крест-накрест лямки,
В руках «пистолет».
— Берегись! Я — мамкин!
Папки — нет!..

Конечно, не сразу, не по молодости, а, повзрослев, я понял, что, несмотря на неуживчивость и хмурость, в душе Владимир Лукич теплый и отзывчивый человек. В трудные минуты жизни он всегда откликался на мои просьбы о помощи и поддержке.

Владимир Лукич, будучи руководителем литобъединения, в поисках новых форм пригласил на одно из занятий известного поэта Илью Фонякова, который вел поэтическую студию при новосибирской газете «Молодость Сибири». Возможно, кто-то из моих друзей счел, что Илья Фоняков излишне требователен к нам, студийцам. Но лично мне общение с заезжим мэтром многое дало, ибо он поддержал мои первые стихи, не без критики, но уловив в них главное, тем самым укрепив мою тягу к поэзии.

В феврале 1969 года в «Молодости Сибири» вышла литературная страница, представлявшая одним стихотворением поэтов с Алтая: Геннадия Панова, Владимира Башунова, Михаила Прокопчука, Владимира Казакова, Ольгу Акиньшину, Бориса Братова... и меня.

Солнце, жёлтый колобок,
на дороге облачной,
от росы тальник промок
у стоянки лодочной.
Вёсла воду загребают,
по воде идёт волна.
Словно птица улетает
после ночи тишина...
...Грусть вчерашняя и город
остаются за спиной...
Солнце жёлтое по спору
соревнуется со мной.

Разница в возрасте между Владимиром Лукичом и мной составляла восемь лет. В общении, на протяжении жизни, возрастная дистанция на первых порах ощущалась. Вначале она походила на голубиный шаг, затем на воробьиный скок, а потом на муравьиный след, пока не сравнялась. Мы обменивались книгами, ходили в гости друг к другу. Нас сближали творческие искания.

В 1976 году я по настоянию Геннадия Панова подал рукопись стихов «Солнышко» в Алтайское книжное издательство. Рукопись рецензировал Владимир Казаков. Рецензия была положительной. Рукопись поставили в план издательства на 1978, а затем на 1979–1980 годы. Но, увы, книга «Солнышко» не увидела свет. Я считал за это виновным отчасти редактора Алтайского книжного издательства, поэта Владимира Башунова (1946–2005), который отодвигал мою рукопись. Была и моя вина, она состояла в том, что я не проявил должной настойчивости и был слишком горд.

Открытое письмо студийцев, окончивших обучение в литобъединении при краевой писательской организации в 1979 году, о необъективном отношении к начинающим поэтам и со стороны книжного издательства, и со стороны совета писательской организации было напечатано с подписями в краевой газете «Молодежь Алтая» (затея Николая Гайдука). После публикации некоторые поэты были вынуждены покинуть Барнаул.

В 2002 году я встретил Владимира Башунова у киоска Роспечати, на углу улицы Анатолия и Социалистического проспекта. Ему было плохо. Прихватило сердце. Я выпоил ему почти целый пузырек корвалола, от скорой он отказался. Наконец отлегло, и Владимир Мефодьевич сказал, что виноват передо мной, что придержал книгу «Солнышко». На это были причины, не зависящие от него. И еще он сказал: «Приноси стихи в «Алтай», опубликую...» И сделал это.

Нет у меня на Владимира Башунова зла, что было, то минуло. Как говорил Николай Рубцов: «За всё добро расплатимся добром...»

От воспоминаний меня отвлекла тяжесть почти полного ведерка с красно-золотистыми плодами шиповника. Я вернулся на берег. Владимир Лукич выглядел грустным, он морщил широковатый нос и теребил густую бородку. И было отчего. Два небольших подлещика да неполный трехлитровый бидон ягоды — вот и вся добыча. Я утешил Владимира Лукича, сказав, что поблизости есть небольшое озеро, и мы попытаем счастья там. Шли по узенькой тропке среди густой травы, доходившей нам до пояса, а порой скрывавшей с головой, Лукич бубнил под нос, отсчитывая шаги. Озеро искрилось под лучами осеннего солнца. От зеленой воды тянуло прохладцей. Нам повезло. Карась, правда, небольшой, с ладонь, клевал отменно, и часа за два поймав рыбешек сорок, мы двинулись к берегу на место прежней стоянки, дабы подсобрать ягоды и немного отдохнуть в ожидании последнего теплохода. Лукич был весел и не считал шаги, а читал стихи и напевал песенки. А я вспомнил...

Последнее время он ностальгировал о флотской юности (служил на Балтике) и потому носил берет с боцманским крабом — кокардой в виде якоря. Однажды Лукич потерял беретку. Не было предела его горю. Берет — ерунда, купил такой же. А где достать якорь-кокарду? Он обратился за помощью ко мне. И я с великим трудом через своего приятеля Анатолия Коротина, бывшего начальника Морской школы ДОСААФ, добыл ему мичманскую и боцманскую кокарды. От переполнявшего его душу счастья он тогда, как сейчас, напевал песни.

Владимир Казаков любил нашу Обь. Любил половодье, ледоставы, ледоходы, коими мы с ним часто восхищались. Ему, редактору моей четвертой книги стихов «Ледостав», я посвятил стихотворение «Обновление».

Эх, Владимир Лукич! Рано ты ушел от нас! Не все планы успел претворить в жизнь.

Он говорил: «Я пишу книгу обо всех вас: о Галине Колесниковой, Иване Мордовине, Валерии Тихонове, Сергее Клюшникове... и, конечно, о тебе». Памятные надписи мелким убористым почерком на его книгах: «Брат, здравствуй», «Калиновый куст», «Верховая дорога», подаренных мне, помещаются на две, а то и три страницы. Жаль, что автор десяти поэтических книг, мой друг и наставник, поэт Владимир Казаков (1939–2015) не успел подписать мне свою последнюю книгу «Земля отцов». Она подписана его сыном Артёмом.

Владимир Казаков жил в гуще литературных событий, он любил друзей, и составил книги о Геннадии Панове «Сын села: коллективный портрет поэта», «Горнист, играющий «зарю» — об Игоре Пантюхове, «Фантазер, гитарист, сочинитель» — о Вильяме Озолине. Собираясь вместе, мы, друзья и соратники, близко знавшие Владимира Лукича, вспоминаем прямоту его суждений, доброту, отзывчивость, хмурость и говорим: «Лукич, как нам тебя не хватает!»